

Иронический Фестиваль

Татьяна Луганцева

Дамочка с гарантией

Татьяна Игоревна Луганцева

Дамочка с гарантией

Серия «Иронический детектив (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68729202
Дамочка с гарантией: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-150727-5

Аннотация

Отпуск – самое прекрасное время в году, особенно если ты работающая мать, как Яна Цветкова. Она руководит собственной стоматологической клиникой, воспитывает троих детей и с шиком тратит огромное наследство, которое оставил ей чешский князь. Чтобы развеяться, Яна отправляется на море в компании двоих друзей. Веселая троица сразу же попадает в водоворот невероятных событий, потому что у Цветковой по-другому не получается жить. До последней минуты невозможно предсказать, кто стоит за чудовищными преступлениями, которые разворачиваются вокруг прекрасной блондинки. Всё, что можно гарантировать, когда речь идет о Яне: потрясающие приключения будут продолжаться в режиме нон-стоп!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	40
Глава третья	53
Глава четвертая	60
Глава пятая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Татьяна Луганцева

Дамочка с гарантией

© Т.И. Луганцева, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая

В последнее время появилось интересное то ли выражение, то ли диагноз – «эмоциональное выгорание». Это когда у человека заканчиваются физические силы и, самое главное, эмоции. Когда на обычные раздражители ты начинаешь реагировать более эмоционально, когда чувствуешь, что сильно устал и уже больше «не выводишь», когда тебя раздражают вещи, которые раньше не волновали, когда уже готов убить каждого, кто приближается к тебе с какой-то проблемой.

Тогда встает вопрос об отпуске. Каждый человек должен периодически отдыхать от работы, от нервного переутомления, от каждодневных стрессов. И у каждого свое представление об идеальном отпуске. Для кого-то это спуск по горной реке на байдарках и ночевки в шалаше. А для кого-то это проживание в семизвездочном отеле, куда еду доставляют из ресторана авторской кухни, где одна мидия в хрустальной розетке стоит сто евро. Но это не важно, куда человек собрался. Главное – это выспаться, восстановить силы, подышать другим воздухом, получить новые впечатления, накупаться, если ты едешь на море, или получить свою порцию адреналина, если ты сторонник экстремального вида спорта.

За последние месяцы Яна Карловна Цветкова переделала так много важных дел, что настоятельно нуждалась в отдыхе.

И сейчас она сидела в Питере на крыше кафе и жаловалась своей лучшей подруге Асе на усталость.

Кафе действительно располагалось на крыше. В таком необычном месте заведение общепита открыл один известный питерский художник, который по невероятной случайности был знакомым Аси. Лет десять назад он продал за огромные деньги копию картины, написанную им собственноручно, выдав ее за подлинник. Ему грозило тогда лет семь-восемь тюрьмы за мошенничество в особо крупных размерах. Ася, которая всю жизнь работала адвокатом, отчаянно, как тигрица, билась за него в суде. Дело закончилось крупным штрафом и тремя годами общего режима.

Но и на этом Ася не успокоилась и продолжила борьбу. Георгий освобождился через год условно-досрочно. С тех пор он поддерживал связь со своим адвокатом на чисто дружеской основе. Ася, когда посещала Санкт-Петербург, заскакивала к художнику на огонек. Георг Котов, а именно так он подписывал свои картины, владел небольшой, но очень модной арт-галереей и кафе, где в теплое время года можно было посидеть на крыше, полюбоваться сверху на знаменитые питерские дворы-колодцы.

Георг обычно сам встречал Асю и лично ее обслуживал. Это был красивый мужчина с несколько отстраненным взглядом и своеобразной внешностью. Ее еще называют иконописной: длинные русые, слегка выующиеся волосы, овальное лицо с тонкими чертами, умные зеленые глаза, бородка.

Вот и сейчас Георг подсел за столик к Асе с Яной с чашечкой кофе и сигаретой, хотя курить в помещении кафе было запрещено, но негласно на крыше – можно.

– С вас бы картины писать, – сказал он, глядя на подруг. – Вы как Инь и Ян, не в смысле мужского и женского, а просто как две противоположности. Это странно, лучшие подруги обычно чем-то похожи. Из симпатии они подсознательно стараются подражать друг другу. Особенно это видно на девочках-подростках. Идут в одинаковой одежде. Одна челку подстрижет, вторая на следующий день тоже с челкой.

– Мы давно не девочки-подростки, – с улыбкой ответила ему Ася, – но мне и в подростковом возрасте было не угнаться за Яной. Она всегда была самая неординарная и самая яркая, она бы никогда не согласилась стать такой серостью, как я...

– А мне казалось, что ты часто смотришь на меня с ужасом, словно на новогоднюю елку, которая вдруг вышла погулять в июле месяце, – в тон ей сказала Яна.

Они действительно были очень разные. Ася – серьезный адвокат, высокая, стройная, почти всю жизнь стриглась под классическое каре. В одежде она тоже предпочитала классический стиль – деловые костюмы спокойных пастельных или темных расцветок. У нее было красивое лицо с правильными чертами и большие светло-карие глаза. Главное, что взгляд этих глаз всегда был умным и серьезным.

Яна же с детства обладала модельной внешностью, не со-

всем обычной для славянских женщин. Она была высокая и очень худая. На ее тонкой талии мужчина мог легко сомкнуть крупные ладони. У Яны были обалденной красоты стройные ноги с красивыми икрами и тонкими щиколотками. У Цветковой были такие же красивые руки и очень заметные, густые, прямые волосы белого цвета. Они от природы были светло-русыми, Яна их еще подкрашивала и получала идеально белый цвет. Интересное лицо с узкими скулами, красивыми губами и большими, очень нежными голубыми глазами могло свести с ума любого мужчину.

Первое впечатление, которое Яна производила, было обманчивым. Такая яркая, привлекающая всеобщее внимание дурочка-блондинка, которая любит мужское внимание, ветрена и не постоянна. Но Яна Карловна Цветкова была намного сложнее, она не была глупа и давно устала от мужского внимания, никогда им и не упивалась. Она была очень эмоциональная, чуткая, добрая. И, самое главное, она никогда бы не смогла пройти мимо чужой беды. Яну любили все: лучшая подруга Ася, небольшой, но дружный коллектив стоматологической клиники «Белоснежка», и ее продолжали любить мужчины, с которыми она когда-то встречалась. Это, как показала жизнь, не всегда было хорошо.

– Вы и по художественному восприятию разные, – добавил Георг. – Ася у нас яркий представитель кубизма, абстракции. Как она в суде кладет всех на лопатки! Прямолинейно, жестко, красиво и безоговорочно. А Яна... – он

задумчиво посмотрел на белокурую красавицу. – Яна – это Врубель. Падший ангел, демон, атмосфера чувственности и очень много недосказанности. Жаль, что ты не актриса, тебе бы это пошло.

– Ей хватило родителей-актеров, – усмехнулась Ася.

– Мне и самой давали звание заслуженной артистки без диплома, – ответила Яна. – Правда, потому что тот министр, что давал мне это звание, хотел прикрыть свою задницу. Он пришел на скандальное эротическое шоу, а вместо него очутился на выступлении цыган со мной в главной роли. А там были журналисты, готовые рассказать куда и зачем он пришел.

Георг рассмеялся.

– И ты стала заслуженной?

– Шутишь? В цыганском коллективе? Я выступила с ними один раз, но это было здорово! Там такая потрясающая энергетика! Вообще я по образованию врач-стоматолог, причем детский. Я окончила медицинский институт и всегда стремилась к очень консервативной, серьезной профессии. Чего и достигла.

– А твоя мама, Валентина Петровна, считает, что ты легко стала бы примой театра, – отметила Ася.

– Я тоже так считаю, – тут же согласился Георг. – Эфемерное, неземное существо. В тебе видна порода, чувственность и страсть.

– Ты меня в краску вгоняешь! Я не знала, что я такая хо-

рошая.

– Я не сказал, что хорошая, я сказал, что необычная. Спасибо Асе за это знакомство. Я бы хотел написать твой портрет.

– Фи... Жора! – скривила физиономию Ася Юрьевна Кудина. – Не будь как все. Если бы ты знал, сколько раз Яна такое слышала, что это уже становится не смешно.

– Это правда, – улыбнулась Яна. – Сидеть в статике это не мое. Да я и не веду богемный образ жизни. Я вся в движении. У меня двое детей.

– Двое детей?! – оторопел Георг. – И такая фигура?! Да ты меня разыгрываешь!

– Планировался один, – честно призналась ему Яна, – и ему уже пятнадцать лет. Родила его я от мужа-бизнесмена, порядочного человека, мы разошлись, потом я снова вышла за него замуж, два раза за одного мужчину. Такой подвиг я совершила ради сына. Но в конечном счете у нас с Ричардом так ничего и не вышло. Как отец Ричард потрясающий, Вова примерно половину времени жил и со мной, и с ним, в его новой семье, рос счастливым и свободным ребенком. Сейчас он учится в Англии в частной элитной школе. Все расходы на себя взял бывший муж без обсуждений. Я не настаивала, но Вова туда ознакомительно съездил и ему очень понравилось, захотел учиться там. Гольф, конный спорт, бассейн, индивидуальное питание, пять языков, посещение музеев, театров и хорошее базовое образование. Я, конечно, скучаю по нему,

мы созваниваемся по скайпу раза три-четыре в неделю. Два раза в год Вова прилетает на месяц в Россию, и на столько же еще к нему летает Ричард. Главное, что парню нравится.

– А второй ребенок? – спросил Георг.

– Это совсем маленькая девочка Ева. Моя принцесса. Никогда не думала, что рожу в возрасте за сорок. Не хотела и не планировала. Но когда поняла, что это произойдет, даже не помышляла об аборте. Девять месяцев под медицинским наблюдением и вот результат. Мое рыжее чудо! Мое солнышко!

– Она у нас настоящая принцесса, дочка чешского князя Карла Штольберга, потомка древнего рода, – похвасталась Ася.

– Ого! Так ты тоже княгиня? – спросил Георг, наливая своим гостям кофе.

– Нет, княгиней я не стала, – улыбнулась Яна.

– Только по ее вине! Карл сделал все, чтобы она была с ним, от хорошего до плохого. Сто раз предлагал выйти замуж. Все ждал и надеялся... Но Яна не захотела выходить за него и рожать ребенка.

– Я не могла себя представить в аристократическом обществе, я бы не вынесла его ограничивающих рамок. Все эти официальные приемы, скучные обязанности жены князя... Да и, повторюсь, рожать я больше не хотела, а Карлу обязательно нужен был наследник рода.

– Так ты же ему дочку родила! – изумился Георгий.

– О... это было много позже, – закатила глаза Ася.

– А не многовато ли внимания к моей персоне? – спросила Цветкова.

– Девочки, не режьте по живому! Начали рассказывать – рассказывайте! Я же не засну. Жизнь – самая завораживающая штукавина.

– Яна ушла от него. Именно тогда она попыталась второй раз восстановить отношения с отцом сына. Карл женился, у него родилась дочь Анастасия, но они с женой быстро расстались, он не мог забыть Яну. Ну, и опять началось... – Ася вздохнула. – Но я, как ее подруга, как человек, который очень хорошо ее знает, понимала, что Яна уже никогда не вернется к Карлу после другой женщины, после рождения наследницы, после того, как он нехорошо использовал ту женщину. Она, конечно, тоже оказалась той еще... охотницей за богатством. Она написала отказ от дочери за многомиллионные отступные. После всего этого Яна уже не приняла бы Карла. Он стал для нее уже чужим мужчиной. А он этого не понимал. Не сдавался, не терял надежды. Даже когда она впервые в жизни сама влюбилась по-настоящему.

– Впервые в жизни? – уточнил Георг.

– Уверяю, я ее знаю лучше, чем она сама. Время показало, что впервые... по-настоящему.

– И вы вместе? Вы счастливы?! – восторженно воскликнул художник. Яна не успела ответить, опять вмешалась Ася:

– Они мысленно вместе много лет, физически вместе

судьба им быть не дала. И они оба несчастны.

– Девочки, вы не против, если я принесу шампанского? – предложил Георг и тут же испарился.

Вернулся он так же быстро, как и убежал. Наполнил три фужера хорошим шампанским, и продолжилась беседа, которая так взбудоражила его эмоциональную художественную натуру.

– Ее возлюбленный Мартин – это как золотой пазл, который не каждому человеку выпадает встретить при жизни на земле. А ведь именно для этого мы здесь и живем: для общения, для секса. Там, – Ася подняла глаза к небу, – этого уже будет не нужно. Один мужчина задавил ее своей любовью, другой не дотягивал по уму... Третий не давал никакого драйва, четвертый хотел, чтобы она покинула родину и полностью изменила себя. Да сколько их было, тех, которые не затрагивали струны ее души! А тут вдруг – раз, и все сошлось! Идеальное попадание! Их так сильно притягивало друг к другу, что между ними было невозможно стоять. Меня просто сжигала эта энергетика, идущая с двух сторон. Она – витающая в облаках, он – твердо стоящий на земле. Она – более спокойная, он – просто взрыв. Они оба безумно красивые. Когда они шли вместе по улице, все головы сворачивали. Яна чувствовала себя с ним желанной, любимой и защищенной. Мартин – не мужчина, а мечта: безумно обаятельный, умный, смелый, сильный...

– Такую любовь в жизни редко встретишь, особенно, если

она взаимна, – согласился Георг, поднимая бокал.

– Слушаю сейчас тебя и удивляюсь, по такому рассказу можно и женский роман написать, и кино снять, – усмехнулась Цветкова.

– А ты что удивляешься? По твоей жизни можно и триллер, и детектив, и комедию снять, – парировала подруга. – Люди познакомились, свел случай. Не сразу поверили своему счастью, то есть своим чувствам. Когда открылись друг другу, оказалось, что Мартин не вдовец, а женатый человек. Причем сама Яна его жену и нашла.

– Так он обманул? – икнул от неожиданности Георг.

– В том-то и дело, что нет. Шесть лет он считал, что вдовец, и впервые позволил себе серьезное чувство.

Художник открыл рот от изумления:

– Как это «считал», что вдовец?

Ася принялась терпеливо объяснять:

– Настя, жена Мартина, попала в руки маньяка. Преступник долго готовился к ее похищению. Настя, съедаемая ревностью к мужу, имела неосторожность как-то напиться и изменить Мартину с ним. Потом, конечно, она ужаснулась и сказала любовнику, что жить без мужа не может, что связь с ним была ошибкой. Но маньяка уже было не остановить. Он решил, что эта женщина – его, и что он спасет Настю от пагубной любви к другому мужчине. Преступник работал в морге и все подготовил, все просчитал. Устроил Насте аварию со взрывом, подменил ее на очень похожее тело. Комар

носа не подточил. Никому даже в голову не пришло сделать генетическую экспертизу. Шесть лет Настя провела в плену у маньяка. Он проделывал с ней чудовищные вещи. Сломал ей все кости, чтобы она не убежала. Привязал ее к кровати и воплощал все свои извращенные сексуальные фантазии. Понятно, что, когда Настю нашли, она напоминала больше овощ, чем человека. Полностью сломленная физически и сошедшая с ума молодая хрупкая девушка. Единственное, на что она реагировала в этом мире, – на имя своего мужа. А ведь Мартин уже сделал предложение моей подруге! Тогда он оказался просто в шоковом состоянии, и Яна приняла решение за них обоих. Она ушла. Ведь Мартин не мог бросить жену, когда был ей так нужен. Он не мог оказаться подонком. Яна никогда не полюбила бы мерзавца. А с женатым мужчиной она тоже не стала бы встречаться. Расставание – это был единственный выход из ситуации.

– Это поразительно душераздирающая история. Действительно, ничего не сделаешь, если люди порядочные, – согласился художник.

– И Яна, и Мартин – порядочные люди, поэтому и страдают, – кивнула Ася. – Мартин приложил все усилия, чтобы вылечить жену, но жить с ней он уже не мог. Психическое здоровье к ней не вернется никогда. Осознав, что он губит жизнь себе и Яне, Мартин развелся с женой и взял над ней пожизненное опеку. Настя до конца жизни ни в чем не будет нуждаться.

– Значит, все срослось? – обрадовался Георг.

– Не совсем... Вернее, срослось на недолгий период, а потом в жизнь Яны снова ворвался чешский князь Карл Штольберг. Нет, на сей раз он действовал не напрямую: он хорошо знал Яну и попросил ее о помощи в бизнесе. Он знал, что она никому не сможет отказать, тем более совсем не чужому человеку. Он намеревался открыть огромный российско-чешский культурный центр. Ему нужно было ее присутствие рядом, языковая и моральная поддержка, да и доверить Карл Яне мог все что угодно. Она бы не предала, не обокрала бы.

– А заодно затащил в постель? Эх, нравы... Но я никого не осуждаю. Жалко, что так по глупости настоящую любовь упустила, – обратился Георг к Яне. – Хотя лично я бы такую женщину простил.

Яна грустно улыбнулась в ответ, а Ася сказала:

– В это можно верить, можно нет, но переспала Яна с Карлом один раз, когда их опоили каким-то психотропным веществом, название которого я тебе сейчас не скажу, да и потом вряд ли вспомню. Яна была уверена, что рядом с ней находится Мартин, но на самом деле это был Карл.

– А он? Так подло воспользовался ситуацией? – спросил Георг.

– Нет, он тоже стал жертвой, но Карл любил Яну и видел ее в своих видениях. Его картинка в голове и реальность совпали. А потом родилась Ева, и Карл поставил условие: если Яна хочет видеть дочь, она должна отказаться от Мартина.

Мартин с Яной словно поменялись местами, и теперь уже Мартин ушел, поняв, что ни одна нормальная мать не сможет оставить маленького ребенка, что его присутствие будет просто рвать ей сердце на части. Снова судьба была против них.

– Потрясающе... То есть, ужасно, – поправился художник. – Просто карма какая-то.

– У меня тоже были такие мысли, – кивнула Цветкова. – Судьба, действительно, была против нас. Вставляла палки в колеса постоянно.

– Да это не палки, судя по вашему рассказу, это просто плотины из огромных бревен. И сейчас вы так и живете с нелюбимым князем?

– Карла убили. Не без помощи его бывшей жены. Дамочка не смирилась с тем, что ее использовали как матку для рождения ребенка, а потом выкинули, – ответила Ася.

– Ой! Извините! Соболезную... Ну, так препятствие устранено? Теперь-то что? Только не говорите мне, что за время совместной жизни Яны и князя Мартин успел жениться. Это тогда будет не жизнь, а какая-то адовая шахматная партия. Вы словно всё время ставите шах друг другу. А у меня мата на вас не хватает, – хохотнул художник над собственной шуткой.

– Нет, Мартин свободен. Он просто не хочет больше на мне жениться! – поджала губы Яна.

– Почему?! Столько лет вы ждали! Преодолели столько

препятствий! Сдулся что ли? – не понял художник.

– Хорошо, что Мартин этого не слышит! Сейчас бы тебе не поздоровилось! Парень он взрывной, – покачала головой Ася.

Георг на всякий случай посмотрел по сторонам.

– Ну, так я тоже не промах, я в сизо сидел и в тюрьме был... Видел там всякое и всяких...

– Мартин воевал и в плену выжил. Награды высокого ранга имеет, а их просто так не дают, – парировала Ася.

– Сдаюсь! Ну, так мы ему не скажем. Но это же он жениться не хочет, что вы на меня взъелись? Хочешь, Яна, я на тебе женюсь? Я с огромным удовольствием!

– Невелика честь, – фыркнула Ася.

А Яна серьезно ответила:

– На меня как все это свалилось, так Мартин и ушел, чтобы не подумали, что он со мной, потому что я это все получила...

– Чего получила-то? – не понял Георг.

– Какие-то миллионные счета, огромный бизнес в Чехии, огромный бизнес в России, этот культурный центр. Но это еще ладно. Мартин сам очень богатый человек. Но Карл зачем-то втюхал мне по завещанию огромный родовой замок, – пожаловалась Яна. – Его даже оценить нельзя! Он какое-то культурное наследие, средневековый памятник.

Красивые зеленые глаза Георга стали абсолютно круглыми, словно в центр зрачка поставили ножку циркуля и очер-

тили ровную окружность, от которой пошли гипнотические круги.

– Ты стала обладательницей замка в Европе? Точно же-
нюсь! Меня это не смущает.

– Вот именно поэтому Мартин и отказался от меня, – воскликнула Яна, сотрясая воздух своими худыми кулачками. – А я ведь даже не знала, что Карл сделал меня наследницей, да еще и замок оставил!

– Карл даже после смерти тебе вредит, – усмехнулась Ася.

– Думаю, что он не со зла. Мне бы кто замок оставил, – мечтательно произнес Георгий, – я бы там жил, развесил бы свои портреты в средневековых одеждах, писал бы пейзажи...

Яна рассмеялась.

– Вот бы чешская аристократия обрадовалась, увидев везде твои портреты в их замке. Там, кстати, висят какие-то портреты – матери Карла, какого-то Вацлака – основателя рода Штольбергов. Ему черт знает сколько лет, – вспомнила Яна.

Она долго жила в этом замке: во время романа с Карлом, всю беременность, да и потом, когда отношения с князем уже испортились, но Яна оставалась там ради дочки. Замок, конечно, впечатлял, но больше всего Цветкова любила территорию вокруг него. Это было внушительное пространство с рощами, садами, ландшафтными проектами, старинными фонтанами и полудикими, почему-то очень хорошо там рас-

тущими кустами роз. Розы Яна любила больше всего. Только просила садовника сильно их не обрезать, а позволить им расти в дикой, первозданной красоте.

– А старшая дочка Карла? – вдруг встрепенулся Георг. – Вы же говорили, что он один раз был женат, и там появилась наследница. Старшая.

– Молодец, внимательно слушал, – похвалила его Ася. – Конечно же, она живет с «доброй душой» – Яной.

– Я сказала, что у меня двое детей, чтобы не сглазить. Я очень хочу и надеюсь, что их будет трое. Делаю все, чтобы по документам Настя стала моей дочерью. Именно дочерью, никакого опекунства. Там есть определенные сложности, потому что работают юристы и с русской, и с чешской стороны. Чехи не хотят потерять ее, а я в жизни не поменяю гражданство. Настя привязана ко мне, ее мать в тюрьме и полностью лишена прав на девочку. У Насти просто никого больше нет. В любом случае, ее ближайший родственник – это моя Ева, они родные сестры по отцу. Девочки должны расти вместе.

– Я полностью с тобой согласна, – кивнула Ася. Сама она воспитывала уже подросшую родную дочь и, так получилось, в роддоме она взяла еще одну девочку, так и растила их обеих, не делая между ними никаких различий.

– Какие вы, женщины, интересные... – сделал паузу Георгий.

– В смысле?

– А как вы думаете, почему все мужики изменяют? Есть

один образ – мать и жена. Мать твоих детей – это святое, и как-то странно заниматься грязным сексом с таким святым человеком.

– А секс обязательно должен быть грязным? – подняла тонкую бровь Цветкова.

– Это чтобы удовлетворить второй образ, который живет в голове у мужчины. Этакая свободная, развратная, любвеобильная нимфоманка, которая тем не менее верна своему мужчине. Она не обременена пеленками и готовкой... Ее грудь свободна от молока, а надеты на ней не халат со следами детской отрыжки, а... впрочем, может быть, ничего не надето или только кружевное белье. Мужику нужна еда и вот это... Это не менее важно, чем еда, – с таким смаком подытожил Георг, что женщины пооткрывали рты от изумления.

– А тебе не кажется, что во втором образе очень много несостыковок? Скорее, это робот, проститутка или голограмма.

– Э, нет, девочки, так можно было бы подумать, если бы не одно «но». Это вы все – оборотни. Встречаешь сексуальную развратницу, а в конце получаешь неряху в растянутой футболке с висящими на ней и вечно орущими детьми. Вот это метаморфоза, и как это вам удастся?! Именно поэтому мужчины и боятся жениться. Это же только в сказках лягушка превращается в принцессу. А в браке скорее наоборот: мужчина брал в жены принцессу, а получил лягушку. Нет-нет – огромную бородавчатую жабу! Которая думает только

о своей икре, то есть потомстве, и о том, чтобы набить брюхо. И вот здесь ее жабий взгляд обращается к законному мужу и пожирает его с ненавистью, если он мало зарабатывает. И дальше в семейной жизни начинается другая сказка – о старике и старухе, я бы даже золотую рыбку тут опустил, совсем не главный персонаж. Старухе все мало, мало...

– Ну и фантазия у тебя... Понятно, что художник, – отметила Ася. – Только под старость вы что-то все становитесь одинаковыми. Это когда уже кружевное белье не так волнует, и взор обращается к семейному столу, где уже сидят выросшие дети, внуки. И ты вдруг понимаешь, что вот оно – счастье. Счастье, выращенное женщиной в халате со следами детской отрыжки, с красными, невыспавшимися глазами и с мыслями, в которых «секс» занимает не первую строчку в списке. Так что с вами тоже происходит метаморфоза, и все в одну сторону. Конечно, это если ум есть.

– И все-таки народные сказки навывдумывали женщины. О золотой рыбке, о жабе, превращающейся в царевну... Или эротическая фантазия о трех богатырях и о Черноморе с его отрядом... тридцать три богатыря. Да и белочка там с золотыми орешками тоже для вас... камения, золото... Вы, женщины, просто ненасытные, – сказал Георг.

Яна рассмеялась в голос:

– Зато про чудище с аленьким цветочком и про Емелю на печи – это явно от вашего брата идет.

– Один-один, ребята! Или как там? Брейк! – сказала Ася,

осматривая вид с крыши. – Все-таки потрясающе!

– Что именно? – уточнил Георг.

– Я про Питер. Он один такой на свете. Есть города с историей, типа Рима. Еще какая история! Есть города со своеобразным климатом, типа Лондона, где можно выйти в город и словно окунуться в молоко. А есть города, где сносит крышу от красоты архитектуры: Будапешт, Вена... Города с реками и набережными... Города с театрами, балетом, талантливыми людьми. И это все соединилось здесь, в Санкт-Петербурге. Да плюс еще люди – герои. Атмосфера, впитавшая в себя и роскошь дворцов, и нищету задворков, сам воздух пропитан особой аурой, – восхищенно выдохнула Ася.

– Эх, хорошо сказала, я бы лучше и не смог, – похвалил Георг. – Я тут тоже словно рыба в воде. Богемный город. Но все-таки хочу вернуться к нашим баранам. Мужики у вас все сволочи, все гулящие, а вы все святые, так получается? Вот взять, к примеру, тебя, Яночка, – он цепким взглядом окинул стройную фигуру Цветковой.

– Это смотря для какого примера, – поежилась Яна, поправляя подол шелкового платья, который постоянно норовил задраться от любого дуновения ветерка на этой ветреной крыше.

– Для жизненного. Ты, конечно, женщина красивая, спору нет. Любой бы хотел с тобой замутить, но смотря что... Яркий роман – да, а по серьезному? У тебя трое детей, надеюсь, что тебе все-таки удастся удочерить девочку, а двое

других от разных мужчин, с одним из которых ты даже не была в законном браке.

– Звучит не очень, – согласилась Яна. – Намекаешь на мой моральный облик? Не состояла в монастыре, это точно.

– Нет, это немного портит твою красивую картинку. Ну, и... не хочу вас обидеть, девочки, но вам уже не двадцать лет. Да с таким прицепом!

– Не хотел, девочки, вас обидеть, да взял и обидел! – передразнила художника Цветкова, улыбаясь.

– Каждая девочка мечтает о принце, а наша девочка первая взяла и послала принца! – указала рукой на подругу Ася. Она словно пыталась таким странным образом ее защитить.

– Ну и дура! – ответил Георг.

Яна выплеснула шампанское ему в лицо, смачно попав на рубашку:

– Я бы попросила!

– А ты еще и с характером! – отряхнулся Георг.

– Не без него, – огрызнулась Яна.

– Давайте... не будем ссориться! – встряла Ася, уже заметно повеселевшая. – Вообще, какая разница, рождены дети в браке или нет?! Дети – это самое лучшее! Давайте за это выпьем!

– Давайте, – поддержал ее Георг, с опаской поглядывая на Яну.

– И потом! Неужели все проблемы сводятся только к отношениям между мужчиной и женщиной? У Янки и без то-

го – полный атас в жизни! Взять хотя бы ее отца и этого... патологоанатома!

Георг, который оттягивал от своего тела мокрую рубашку, в изумлении разжал руки, и ткань со свистом прилипла к нему обратно.

– Поясняю. Яна всю жизнь считала своим отцом Карла, который работал плотником в Театре юного зрителя в городе Волжский. Он очаровал ведущую актрису театра Валентину, маму Яны, и они поженились, – закатила глаза Ася.

– Вы издеваетесь, что ли, надо мной? Папа – Карл – плотник?!

– Да! Но я не Буратино, – показала ему язык Яна. – Это чистая правда. И я всю жизнь буду считать его своим отцом. Они потом развелись с матерью, он ушел работать на кладбище, строгать гробы. Там и погиб, когда выпил, упал в свежерытую могилу в ливень и не смог оттуда выбраться.

– Какой кошмар...

– Вот именно. Пьющий он был, но ко мне относился нейтрально всю жизнь. Не обижал, но и большого душевного контакта между нами особо не отмечалось. А тут совсем недавно я узнаю, что биологический отец у меня, оказывается, другой! Я его тоже всю жизнь знала. Это другой ведущий артист ТЮЗа – Головки Иван Демидович. Бабник, разгильдяй и балабол, но очень обаятельный! В детстве я постоянно пропадала за кулисами, он часто со мной играл, угощал конфетами. Оказывается, Иван Демидович знал, что я его ребен-

нок, но не лез в жизнь мамы. А она тоже, видя, какой он не семейный человек, не грезила о таком муже. Раскрылось все случайно, когда Иван попал в тюрьму, вернее, под следствие из-за меня.

– Страсти какие...

– Всё обошлось, настоящий убийца, кстати, моего князя, был найден, и Ивана Демидовича выпустили.

– Так его обвиняли в убийстве твоего сожителя? – переспросил Георгий, бледнея лицом.

– Поверь мне, было за что! – «успокоила» его Ася.

– И это говоришь ты?! Адвокат?

– Я – адвокат, – нахмурилась Ася, – но я же и человек. Ты не дал Яне договорить. Иван Демидович – гениальный актер и своеобразная личность. Почему-то, проведя в СИЗО около месяца, он очень поменялся внутренне.

– Любой бы поменялся, – снова оттянул от себя мокрую ткань Георг и посмотрел на свои волосатые руки, словно пересчитывал каждую мурашку.

– Нет, не любой! – не согласилась Ася. – Он человек, который входит в образ, начинает что-то там себе мыслить, фантазировать. И входить в роль. Почему-то Иван возомнил себя прожженным уголовником, который сильно болен и в сильной депрессии.

– А чем болен? – уточнил Георгий.

– Наверняка, в его мыслях – туберкулезом. Известная тюремная болезнь, – ответила Яна. – Он и задумчивый, и блед-

ный, и кашляет. Хорошо, хоть легкие не выкашливает, но так сильно кашляет. И очень грустный, что жизнь прошла, что она непредсказуема и что он с ней прощается. Так войдет в этот образ и... того! – многозначительно посмотрела Яна. – Надо его как-то расшевелить, на что-то переключить. Я вот что придумала: надо съездить с ним отдохнуть.

– А что еще за патологоанатом? – уточнил Георг. – Мне же не слышалось?

– А это – друг мой, петербуржец. После серьезной травмы он совсем никакой. То скажет что-то несвязное, то заснет внезапно. А иногда вроде нормальный человек. Врачи прогноз дают – пятьдесят на пятьдесят – восстановится сознание у него полностью или нет. А пострадал Витольд Леонидович как бы по моей вине, из-за моих проблем. Я чувствую и свою вину. И тоже хочу ему помочь.

– Тоже в отпуск? – спросил Георгий.

– Хорошая у них компания подбирается. Один в образе тюремной романтики, второй... того... И Яна – просто центр неприятностей! – прокомментировала Ася, нервно поведя плечом.

– Думаю, что все возможные неприятности уже случились, поэтому теперь ничего нам не грозит, – ответила Яна.

– И куда рванете? – спросил Георгий.

Яна отвела взгляд, вспоминая свой последний разговор с Марином. Она приехала к нему в ночной клуб и позвони-

ла. Он сразу же вышел. Сто девяносто сантиметров красоты и обаяния. Такой мужчина не остается незамеченным в любой ситуации. Высокий, статный, с потрясающей фигурой. У Мартина было очень выразительное лицо: красивая линия скул, прямой нос, тонко очерченные губы, совершенно очаровательная улыбка и веснушки. Лучистые темные глаза в обрамлении густых и загнутых темных ресниц с мелкими, слегка рыжеватыми проблесками, словно и в ресницах затесались веснушки. Густая темно-коричневая шевелюра с медным отливом вьющихся волос и несколькими седыми волосками, затерявшимися в висках. Небольшие мимические морщинки, идущие от уголков глаз, словно продолжение его ресниц, а также ямочки на щеках выдавали в Мартине человека крайне улыбчивого, веселого, эмоционального и открытого миру и людям. Яна, когда только начинала с ним общаться, подумала, что такой красавец, да еще и с атлетическим телосложением, должно быть, является непроходимым бабником. Он улыбался окружающим девушкам и женщинам. А потом она поняла, что Мартин общается так абсолютно со всеми, что он просто очень дружелюбный и позитивный. С ним невозможно было поссориться, и не любить его тоже было невозможно.

Он вышел к Яне в темно-синем костюме и белой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей.

– Рад тебя видеть! Хорошо выглядишь, – сказал он, несколько смущаясь.

– Стараюсь, – ответила Яна, – а ты не умеешь делать комплименты. Однажды, когда я была замужем за Ричардом и проплакала весь день, уже не помню по какому поводу, он с утра сказал мне, что «моя красная помада очень идет к моим глазам». Так что ты не одинок...

Мартин усмехнулся.

– Почему ты на улице? Эти двери всегда открыты для тебя, так же, как и мой дом, ты же знаешь. Пойдем внутрь, – пригласил он.

Яна, которая со всеми людьми общалась достаточно живо, с ним замирала, словно время останавливалось. Она мучительно долго разглядывала любимые черты, любовалась ими...

Вот и сейчас Яна невольно всматривалась в лицо Мартина. Оно было бледнее, чем обычно, и под красивыми глазами на высоких мужественных скулах легли тени.

– Пожалуй, я подожду, когда в твоём сердце откроется хоть маленькая калиточка для меня, – усмехнулась она.

– Яна, пожалуйста, пойдем хоть в кафе. Стоим тут, как...

– Хорошо, – согласилась она.

Они перешли дорогу, Мартин открыл дверь в милое заведение под названием «Бублик» и пропустил Яну вперед. Они заняли небольшой уютный круглый столик у окна под белоснежной скатертью с кружевным краем. На столе стоял подсвечник в виде амурчика, а сверху висела лампочка с тканевым абажуром цвета кремовой розы, создавая дополнитель-

ный домашний уют.

Кафе было на две трети наполнено посетителями, в основном молодыми девушками, весело щебечущими и смеющимися, они обсуждали утренние новости и показывали что-то друг другу в своих телефонах.

Яна не могла не заметить, как утихло щебетание в кафе и как все девушки проводили Мартина взглядами, пожирая его глазами с ног до головы.

«Невозможный человек... Даже в кафе спокойно не сходиться», – подумала Яна, но промолчала.

– Здесь часто студенты едят, университет рядом, – пояснил Мартин. – Что тебе заказать? – Казалось, что он впервые поднял свои темные глаза на Яну, и она утонула в них, как в трясине, которая не отпускала ее уже много лет.

– К... кофе.

– Нам два «Американских» без сахара и без молока, и два бублика фирменных, – заказал Мартин.

– Бублик – это уже лишнее, – прошептала Яна, когда официантка отошла.

– Побывать в «Бублике» и не попробовать их фирменную продукцию?

– Хорошо, – вздохнула Яна, – меня по жизни с утра все хотят накормить хлебобулочными изделиями. Моя домохозяйка Агриппина Павловна – своими фирменными плюшками. Твоя мама – своими мини-пирожными...

– С вишней? – улыбнулся Мартин.

– С ней, и с малиной тоже, – подтвердила Яна, отвернувшись к окну.

Питер просыпался. Пастельные краски пейзажа постепенно становились еще светлее, улицы заполнялись спешащими на работу людьми.

– Я хотела попросить тебя, Мартин... – начала Яна.

– Все, что угодно, – своим взглядом он прожигал в ее щеке дырку.

– Ты знаешь, что на мои плечи свалилось в последнее время это наследство. Мне ведь этого ничего не надо.

– Мы уже говорили на эту тему, – сухо ответил Мартин.

– Да, я знаю. К сожалению, от замка я пока вообще не знаю, как отказаться, чтобы его дети не пострадали. Но вот этот бизнес! Там, оказывается, задействовано столько людей и из правительства, и из бизнеса, и из министерства культуры. Я не могу его на данный момент даже продать, пока не выполнятся какие-то обязательства и не пройдет определенное время.

– Есть такие сделки, – кивнул Мартин, убирая темную прядь, упавшую на высокий лоб.

– Но зачем мне такой огромный бизнес? Я не справлюсь! Я не хочу! Мне это не надо!

– Не истери. Спокойнее.

– Тебе легко говорить! Я в шоке! Я хотела попросить тебя помочь мне с этим долбаным Центром! Культуры!

– Чем я могу помочь? – спросил Мартин. – Финансами?

Пожалуйста. Почему ты не попросишь своего бывшего мужа Ричарда? Он занимается бизнесом.

– Я тебя прошу. Тебе этого мало? Стань там директором, – попросила Цветкова.

Мартин подавился кофе и закашлялся, в этот момент официантка принесла два бублика, пахнущих ванилью и шоколадом.

– Я?! Директором? Это – последнее, что я хотел бы сделать в жизни. Мне это совсем не надо.

– Я попросила о помощи... тебя, – еще раз повторила Яна, внимательно всматриваясь в его лицо.

Мартин замолчал и сделал непроизвольное движение руками по карманам, отчего Яна сразу же поняла, что он снова начал курить. Отсюда и такой нездоровый цвет лица, и круги под глазами.

– Я помогу, конечно, помогу. Приду туда, все разрулю, но временно... Без должности и без оплаты.

– Такие услуги стоят дорого, Карл оставил мне счета, я могу...

– Я не хочу больше ничего слышать, Яна, – решительно перебил Мартин. – У тебя может быть все, я у тебя не возьму ничего. Или на таких условиях, или никак.

– А ты бываешь жестким, – задумалась она.

– Тебе лучше не знать – насколько.

– Ты забрал у меня много больше, чем деньги. Сердце, любовь и душу!

– Вот насчет души, не трави мне ее! – усмехнулся Мартин. – Ты меня знаешь, если пообещал – сделаю. Завтра же приеду в твой центр, дай распоряжение, чтобы я получил доступ к любой информации и документам.

– Спасибо.

– Пока не за что. А на долгосрочное сотрудничество я могу предложить тебе в помощь опытного, профессионального и проверенного человека.

Яна вонзила зубы в принесенный бублик, он был настолько сладким, что у нее сразу же свело скулы.

– Я не хочу там никого... Повторяю, только ты.

– Мне не нужен бизнес твоего... – запнулся Мартин, – мужа, князя, принца, сожителя, счастливого отца твоей дочери, не знаю, как его еще назвать. Временно помогу, а так – нет...

Яна положила бублик обратно на тарелку и пододвинула к Мартину.

– Очень приторно для меня, съешь ты. Сладкое полезно для мозгов.

– Беспокоишься о моем мозге? – усмехнулся он. – Разбив мне сердце?

– Сердце даже можно пересадить, а вот мозг пока не получается, – вздохнула Яна.

– Какие у тебя планы? – спросил Мартин, доедая свой бублик.

– Да... – махнула рукой Яна, – образовалась у меня тут экскурсия на тот свет. Извини. Дурдом на выезде. Отец мой,

вновь обретенный, почему-то решил, что завершает свой жизненный путь. Тюрьма его так повернула. Жил – не тузил, а тут философствовать начал. В принципе, это было то, чего все от него и ждали, но почему-то все и не обрадовались. Лучше бы Иван Демидович собой оставался. Да и другой, Витольд Леонидович, совсем того... После травмы не оправился. Он и так-то был несколько странным, а сейчас совсем... Такая вот у меня компания, – вздохнула Яна.

– Плакать не буду. Так отвези их в мой санаторий. И море, и процедуры. Мы после психушки там же полностью ремонт и реконструкцию провели, евроуровень. Не замок, конечно, но отзывы хорошие.

– Ты сейчас про замок зачем сказал? – сузила глаза Цветкова.

– Да я так... без задней мысли.

– А куда психов дели? Просили же сохранить лечебницу.

– Отсек одного крыла остался, но пациенты тихие и с отдыхающими не пересекаются. Там психотерапевт – Аркадий Михайлович – врач мирового уровня, он и твоему окружению помочь может, если потребуется.

– А вот это и правда... Они оба нуждаются в психологической помощи, – задумалась Яна, допивая кофе.

– Да и ты обратись...

– Ты о чем?

– Нервы подлечишь. Нервная же, – улыбнулся Мартин.

– Ты что, издеваешься?! – вспыхнула Цветкова.

– Яна, вы все можете там абсолютно бесплатно проживать и лечиться. На полном обеспечении. А мой частный самолет отвезет вас и привезет назад, когда захотите, – тут же зачастил Мартин, чтобы унять ее гнев.

– Я не сомневалась, что ты не возьмешь с меня денег. Но сейчас же многое изменилось. Я теперь чертовски богата! Я могу, а самое главное – хочу тебе заплатить!

– Яна, прекрати. Не думаю, что ты пришла ссориться. О деньгах не может быть и речи.

– Я тоже так полагала, но, когда я вижу твое наглое лицо, я зверею. Кстати, а ты будешь отдыхать со мной? – спросила Яна, пытаясь принять кокетливую позу.

– Боюсь, что нет. Дела, да и Центр твой сейчас внезапно на меня навалился, – ответил он с совершенно серьезным лицом, только в темных глазах плясали какие-то веселые чертики.

Яну они иногда очень заводили, ей казалось, что он издевается над ней.

– А с кем останутся дочки? – спросил Мартин, то ли потому, что его действительно интересовал этот вопрос, то ли для того, чтобы сменить тему разговора, который в этом миллом кафе уводил их вникуда, вернее, в дырку от бублика.

– С моей мамой и няней, которую ты приставил ко мне, чтобы следить. Она почему-то не захотела от нас уходить, привязалась к Еве.

– Не следить, а присматривать, – поправил ее Мартин.

– Неужели? Плохой персонал ты подбираешь. Лидия Николаевна призналась мне, что ты спрашивал ее, в одной ли спальне мы с Карлом спим или в раздельных. Это правда? А зачем тебе это надо было знать, если ты делаешь такой безразличный взгляд и так отстраненно ведешь себя по отношению ко мне? Какое тебе тогда дело до моей личной жизни? Или ты не поверил мне? Я же говорила, что между нами ничего нет!

Бледное лицо Мартина слегка порозовело. Он потрогал свой лоб.

– Что? Давление? Или мысль какая-то наконец пришла? Надеюсь, что умная? – издевалась Яна.

– Мне стыдно, что я проверял. От одной мысли, что ты живешь с другим мужчиной, я сходил с ума.

– По-моему, ты и сошел, раз, когда я осталась одна, ты меня отвергаешь! Принесите счет! – позвала официантку Яна.

Девушка мгновенно появилась, словно уже ждала завершения столь бурного разговора.

Мартин расплатился картой, Яна взяла чек со стола и вышла с ним на улицу.

– Я воспользуюсь твоим предложением и отвезу заболевших к тебе в санаторий. Да и сама отдохну...

– Я рад.

– А тебя больше не зову. Понятно, что тебе будет чем заняться. Какой интересный счет, не находишь? Ну-ка, что тут написано на обратной стороне? «Вика (брюнетка) номер те-

лефона, Полина (блондинка стрижка) телефон, Иринка (поленькая)». Как мило! Телефон... и еще два телефона. Думаю, что весь столик тех молоденьких студенток прислал тебе этот подарок. Какой сложный выбор!

Мартин рассмеялся.

– Яна, ты уже не раз видела, как девушки и женщины передают мне в ресторанах свои координаты. Ты должна была к этому привыкнуть. Или тебя смутило, что сейчас это была групповая акция? Но я даже не смотрел в их сторону! И этот чек взяла ты, я никогда не беру никаких телефонов, ну ты же знаешь!

Яна посмотрела в его темные лучистые глаза, опустила взгляд на губы и ощутила жуткий голод любви.

– Меня многое смущает в наших отношениях... в последнее время. Провожать меня не надо. Досвидос! – Яна вырвала из его рук чек с телефонами, который сама же ему и подсунула, скомкала и бросила в урну.

Резко развернувшись на каблуках, она побежала прочь от Мартина. Яна очень хорошо помнила, что плакала всю дорогу. Она не ожидала, что он откажется поехать с ней на море. Мартин больше ее не хотел, он ее разлюбил!

Яна вздрогнула, возвращаясь из своих мыслей в действительность, и затуманенными глазами посмотрела на Георга с Асей.

– Завтра мы всей честной компанией вылетаем на частном самолете Мартина в его же санаторий на море.

– Ого! И он с вами? Все налаживается? – спросил художник.

– Нет, он мне отказал в очередной раз! Кинул так с барского плеча: мол, бесплатно можешь пожить со своими психами, и подлечить нервишки всем троим тоже будет к месту, – ответила Яна, сжимая кулачки.

– Надо выпить, – засуетился Георгий.

Ася же только грустно покачала головой.

– Оскорбил меня, унизил, – продолжала Яна.

– Насколько я понял, тебя никто не оскорблял. Вы, женщины, тысячи раз отказываете мужчинам, и это ничего не значит. Это нормально, это даже хорошо. А вот стоит один раз мужчине отказать хоть в чем-то, хоть один раз, так сразу же истерика, обиды. «Он меня бросил! Он меня предал! Он меня не хочет! Он плохой! Он еще пожалеет!» – передразнил каких-то гипотетических женщин Георг визгливым голосом и кривлянием. – Разве же это правильно и честно, девочки? Отказал. Имел право. Ничем не оскорбил. Тем более, завален работой, которую Яна же и подкинула. Помог и здесь, как говорится, предложил полное обеспечение на отдыхе. Телефоны у студенток не просил, сами дали. Что еще надо?!

– Тебе женщин не понять, – строго посмотрела на него Ася. – Давайте лучше выпьем за отпуск Яны! Уже завтра она летит к солнцу, к морю! Правда, в такой компании... Что-то я переживаю за тебя, – с тревогой посмотрела она на подругу.

Яна уже и не скрывала слез.

– Что я там буду делать без него?

– Дышать свежим, лечебным воздухом.

– Я и дышать без него не могу, – вздохнула Яна и подняла бокал. – Ладно, уговорили. За отпуск!

Глава вторая

– Что ты вьешься, что ты вьешься над моею головой, – затынул Иван Демидович, глядя в иллюминатор взлетевшего самолета.

Это был высокий крупный мужчина с большой головой и копной волос неизвестно какого от природы цвета, потому что всю жизнь Иван красился в черный, пребывая в амплуа рокового брюнета. Выразительный нос, крупные губы и большие карие глаза соответствовали этому образу.

– Вентилятор крутится или турбина, – подал голос второй пассажир. Это был Витольд Леонидович, очень талантливый патологоанатом и судмедэксперт из Питера.

– Вороны не должны туда попасть. Из-за птиц возможна авиакатастрофа, – обеспокоенно заметил Иван.

– Нельзя на борту самолета говорить о катастрофе, в некоторых странах за это даже может наступить уголовная ответственность, – сказал ему Витольд. – Слово «бомба» на борту тоже нельзя произносить, – добавил он, не понимая, что именно его он и говорит.

– А как же «секс-бомба»? Вон у нас есть с собой – Яна! – хохотнул Иван Демидович.

Яна Карловна Цветкова сидела на удобном диванчике и хмуро смотрела в их сторону. «Неужели с этими людьми я должна буду провести свой отпуск?» – только об этом думала

Яна, и такая ужасная перспектива приводила ее в дрожь.

Одета она была в ультракороткое платье телесного цвета с золотым отливом и золотой цепочкой на талии. На ногах у нее были кремовые сабо на высокой платформе из древесины, фирма-производитель гарантировала, что это баобабы. Она заплела волосы в красивую боковую косу, которая свисала спереди ниже талии, укладываясь кончиком на стройные бедра. Дополняли образ красные ногти, красная помада и... красные глаза. Георг и Ася сделали свое «черное дело»: проводы в отпуск превратились в банальную попойку.

На узких запястьях Яны болтались золотые браслеты, а в ушах висели огромные серьги-кольца, тоже из золота.

Яна с изумлением вдруг обнаружила, что впервые при взлете самолета, да еще и частного, она не выпила вообще ни глотка спиртного, так ей было плохо со вчерашнего дня. Наоборот, Яну посетила одна шальная мысль: чем выше поднимается самолет, тем воздух должен быть чище и лучше, и ей, наверное, будет легче дышать и, быть может, пройдет головная боль. Но легче не становилось. На ум приходили другие шальные мысли.

«А не закрутить ли мне курортный роман в его пансионате? Если уж Мартин дал добро, отпустил... сам не хочет быть со мной... Решено! Выберу самого красивого мужчину. Ну хорошо, не самого, кто же сравнится с ним? Тогда того, кто на втором месте. И закручу роман! Лучшее средство от депрессии. Хорошо, что со мной летят эти два дурня. Иван бу-

дет пить, Витольд – философствовать, а я наконец-таки пушусь во все тяжкие. К чему это я? Ах, да! Хорошо, что Ася с нами не летит, весь мозг бы мне сейчас проклевала, что я наделаю глупостей, что это мне не поможет, что только хуже будет. Знаю я ее!»

– Ты что так смотришь на нас, Клеопатра? – спросил ее Витольд Леонидович.

Она не обращала внимания на его выпады, так как в последнее время Витольд был очень странный и периодически выражал свои мысли не менее странно, иногда даже не связано.

– Оцениваю ущерб, который вы можете нанести санаторию. Или себе, – ответила Яна.

Иван Демидович хохотнул.

– Я понимаю, о чем она говорит. Только я сейчас не в той форме, чтобы взорвать вулкан, если ты меня понимаешь. Я несколько выжат, как пакетик с чаем, чувствую себя корочкой от лимона. Хотя я, конечно, могу разойтись, если надо, – предложил Иван Демидович.

– Не надо! – качнула ногой Цветкова. – Держите себя в руках. Не в самолете!

– Надеюсь, что синьор Мартин Романович залил нам хорошее топливо? – вдруг спросил Витольд.

– А почему ты интересуешься? – удивился Иван Демидович.

– А что она ему устроила? Избила, обозвала! – поежился

Витольд.

– Кого я там избила? Вы видели его массу и мою? Да моя бедная рука отлетала от его накаченных щек! Я могла себе руку сломать! – возмутилась Цветкова.

– Бедненькая. Ручку чуть не сломала о такое красивое лицо! – притворно посочувствовал Иван.

– Да, лицо у Мартина очень интересное, волевое, как у гладиатора. Череп тоже будет интересный, что-то в крови у него там намешано, – сел на «любимого конька» Витольд Леонидович. – Викинги, итальянцы...

Яна закрыла глаза и вернулась на своей машине времени на несколько часов назад. Тогда она чувствовала себя еще хуже и была очень возбуждена после прощальной ночи, проведенной с Асей и Георгом. С утра она заехала за своими братьями по отдыху, а по дороге в аэропорт не удержалась и попросила отвезти ее к дому Мартина. Доводы «не надо», «опоздаем», «ни к чему хорошему это не приведет», «ты не в том состоянии» на Яну не подействовали. А зря! Подъехав к дому, Яна стала кричать под окнами:

– Мартин! Слышишь меня?! Выходи! Выходи, разговор есть! Мартин!

После этого она выволокла из машины заспанного Ивана Демидовича и приказала ему:

– Свисти!

– Что?

– Свисти, говорю! – истерила Цветкова.

Иван Демидович издал какой-то художественный свист, словно под окна квартиры Мартина прилетел соловей. Услышав эти трели, Яна замолчала и с удивлением на него уставилась.

– Да не так! Свисти нормально! Как соловей-разбойник, чтобы его разбудить!

Иван перешел на протяжный, резкий свист уличного хулигана. Из окон выглянули несколько человек, но поскольку свистуны находились в культурной столице, никто не вылил на них помой и даже не выругался матом. Покачали головой, посмотрели осуждающим взглядом, спросили вежливо:

– Чего шумим? Кого надо?

Ни Мартина, ни его матери Стефании Сергеевны среди выглянувших людей не было.

Мартин вышел к ним сам – с взлохмаченными волосами, в пижамных брюках темно-серого цвета и наспех накинутой черной рубашке, которую он не успел застегнуть. Сердце Яны защемило, она-то знала, что он любит так спать – в пижамных брюках и с голым торсом.

– Яна, чего шумим? – вполне миролюбиво спросил он, пытаясь даже улыбнуться. – Привет, друзья.

Яну при его виде, как назло, повело в сторону, вероятно, из-за того, что она долго смотрела вверх. Витольд Леонидович успел ее подхватить.

– Тише, тише...

– О... я вижу, Яна, ты слегка... Что у вас было? Мальчиш-

ник или девичник? – спросил Мартин, улыбаясь уже шире и застегивая рубашку на одну среднюю пуговицу. – Или вечеринка?

– Вечеринка, – кивнула Яна. Она пыталась совладать с собой, закинув ее за спину, и не сразу сообразила, что заплела такую прическу, что коса может висеть только сбоку на грудь и ниже талии. – Вечеринка, которая сейчас плавно перешла в похороны и поминки.

– Чьи? – спросил Мартин, пожирая глазами ее всю.

– Твои! – с пол-оборота завелась Яна. – И я сразу же говорю тебе, что – да, я пришла поссориться! Ты отказался быть со мной из-за того, что у меня, возможно, денег стало больше, чем у тебя? Это причина?! Серьезно? Или это был удобный предлог, чтобы свалить?! – Яна что есть силы влепила ему пощечину.

Мартин даже не вздрогнул, а вот Витольд схватился за свою щеку и застонал.

– А может быть ты просто побоялся ответственности? – сузила глаза Яна. – Мне тут хорошие люди глаза-то открыли!

– Вот эти люди? – кивнул в сторону мужчин Мартин.

– Не важно! Конечно! Зачем тебе женщина в возрасте с тремя детьми? Да и сколько уже можно! Надоела, да?! Ну, покажи мне, где твоя очередная инфанта! Кто она? Танцовщица? Стриптизерша? Актриса? Или, может быть, ты перешел на серьезных женщин? Женщина – депутат, например?! – вспыхнула Яна.

– Это лишнее, – прошептал ей на ухо Иван, – депутат-женщина это что-то из фильмов ужасов, я бы тоже не хотел. Не потянул бы...

– Этот потянет! – не согласилась Яна. – Ты отказался провести со мной время на отдыхе? Не захотел поплавать в море и понежиться в ласковых лучах солнца?! Хорошо! Вернее, плохо! Тебе же будет хуже!

– Яна, успокойся, я... – Мартин протянул к ней руки и тут же получил удар по корпусу, который тоже не нанес вреда его здоровью.

– Не приближайся ко мне! Не смей меня больше трогать! Да, я нервная, и нервничать будут все! Я не буду больше оправдываться и чего-то ждать! Родные люди со мной, – она обняла за плечи Ивана и Витольда и тут же набросилась на грудь Мартина с кулаками, молотя по нему, словно по барабану. – А ты иди к черту!

«Родные люди» оттащили ее от Мартина, который даже не защищался, и уволокли в такси. На прощание Иван, обернувшись к Мартину, с укором сказал:

– Ну, что же ты? Вроде нормальный мужик! Опытный должен быть! Неужели до сих пор не понял, что нет ничего и никого хуже обиженной женщины? Эх...

Яна тряхнула головой, словно выбрасывая из памяти эти неприятные воспоминания, и приложила пакетик со льдом к своему лбу.

– Я сильно его избила? – спросила она. – Я не помню, я в

состоянии аффекта была, – вздохнула она, поясняя.

– Кровь из его накаченной груди не шла, – ответил Иван, – а ты со стороны больше напоминала назойливую муху.

– Я не думаю, что Мартин качается в тренажерном зале, – сказал Витольд. – Судя по сформированности мышц и развитию грудной клетки, на вскрытии я бы предположил, что он профессионально занимался спортом и длительно подвергался повышенным физическим нагрузкам. Я же слышал, что он в прошлом был военным? Тяжесть полевой жизни приводит именно к такому сильному, силовому, я бы сказал, развитию грудных и дельтовидных мышц...

– Витя, заткнись! – прервал его научно-анатомический опус Иван. – Ты чего, в самом деле? Какое вскрытие? Какие мышцы? Так говоришь, словно препарировешь, даже мне неприятно. С ума сошел!

– Будете кушать и выпивать элитный алкоголь? – обратилась к ним улыбчивая и очень красивая стюардесса. – Мартин Романович наказал всему экипажу, чтобы сервис был на высочайшем уровне. Даже президентам не так. А вам все! – смутилась стюардесса. – Его слова.

– Ну так что спрашиваешь, милая? Неси все. Раз наказ такой был! – погладил живот Иван, словно подготавливая свой желудок к очередному пиршеству.

– Одну минуточку! – улыбнулась девушка и исчезла за перегородкой.

– Где мои шестнадцать лет? – мечтательно глядя ей вслед,

протянул Иван. – Нет, топливо точно залили хорошее. Не мог Мартин угробить свою летную команду и такую нежную красотку! Даже из-за тебя!

Яне вся кровь хлынула в голову.

– Что?! То есть меня можно было бы угробить, а вот ее точно нет?! Конечно, это же его личный самолет! Он окружает себя молодыми и красивыми девушками. И в самолете тоже. Я просто вижу, как он смотрит на нее, улыбается, флиртует. Чай? Кофе? Мартини со льдом или огоньком?

– Яна, это называется – паранойя, – остановил ее Витольд. – Ты ведешь себя так, что тебя хочется выпороть. Человек делает для тебя все, выше головы ему не прыгнуть. Не надо строить из себя маленького капризного ребенка.

– Ее ревность душит. А Мартин – настоящий мужик, не бежит на ее каждый щелчок. Молодец! Я это сразу понял! – согласился Иван.

– Иван! – строго посмотрела на него Цветкова.

– А что? Я такой же, как ты! Рот мне не закроешь! Я говорю всю правду в глаза! Сначала в себе разберись. Если любишь его, отпусти и пожелай счастья. Я это уже проходил. В свое время я захотел вернуть твою мать так сильно, что аж скулы сводило, ни спать, ни есть не мог. Но потом я принял ее выбор. Больше тебе скажу: я чувствовал, что не безразличен ей, но быть со мной Валентина не хотела. Каждый человек имеет право на свой выбор, даже если он тоже тяжел для него. И это надо уважать и научиться с этим жить. Я это

смог. И ты сможешь. Я продолжил работать в своем родном театре, рядом с Вале́й, видел ее каждый день, слышал, шутил, смеялся. Она встречалась с другими мужчинами, строила свою жизнь. И мне тоже было больно, но я не набрасывался на нее с кулаками. Я играл свою роль близкого друга и никому не мешал.

– Она так не сможет. Женщины намного эмоциональнее, – подал голос Витольд.

В салон самолета вернулась стюардесса с передвижной трехъярусной тележкой, наполненной деликатесами. На круглый стол были выложены бутерброды с бужениной, красной и черной икрой, вяленое мясо, дорогие сыры, фрукты, свежесжатый сок, трюфеля, камчатский краб, королевские креветки, бельгийский шоколад, коньяк, дорогое шампанское и розовое, Янино любимое, вино из резерва мирового уровня.

У мужчин перехватило дух.

– Твою же... Вот это я понимаю! – возбудился Иван Демидович. – Как сказали бы наши актрисы: «Прощай, талия!»

Витольд Леонидович, неизвестно зачем, возможно, чтобы как-то помочь Яне, вдруг спросил у стюардессы:

– Милая девушка, есть ли что-то интимное между вами и шефом Мартином Романовичем?

Иван поперхнулся слюной, а стюардесса внезапно залилась краской стыда. Она тоже опешила и замолчала.

– Ты чего такое спрашиваешь? – спросил Иван Демидович.

вич. – Совсем, что ли?

– Господи... – Стюардесса обрела дар речи. – Почему вы, правда, меня о таком спрашиваете? Я и Мартин Романович? Да вы что! Все знают, что он любит Яну Карловну. Он очень хорошо относится не только ко мне, а ко всем. Мартин Романович – очень хороший человек, интересный мужчина, у нас многие девочки в него влюблены, но что от этого зависит! Он с сотрудниками ничего себе не позволяет. Мы для него подчиненные и только. – Стюардесса явно нервничала и все время бросала взгляды в сторону Яны.

– Как тебя зовут? – спросила Яна, решив прервать эту пытку для девушки.

– Алиса.

– Алиса, ты извини, ты не должна оправдываться. Просто настали трудные времена. Я сорвалась, я во всем виновата. Прости меня. Такие вопросы из-за меня.

– Да что вы, Яна Карловна! – даже испугалась девушка.

– Нет-нет, прости... Мы в данный момент с Мартином не вместе, он вообще имеет право делать все что угодно. И уж обвинять в чем-либо кого-то я точно не имею никакого права... Очень вкусно все, все свежее, хорошая сервировка. Спасибо тебе.

Яна убрала лед со лба и поняла, что она больше не чувствует свою голову, не только лоб, а вообще всю голову, она как-то отморожилась вся. И Цветкова чисто по-женски вдруг испугалась.

– Ой...

– Что? – спросил Иван.

– Голова похолодела, лед передержала. А что, если я теперь не смогу логически мыслить? – спросила она, пытаясь такими же ледяными ладонями согреть лоб, а он, естественно, не согревался.

– Логически ты мыслить никогда не умела, – ответил ей Иван, уплетая ветчину, запивая ее коньяком и слегка отрывая в сторону. – Так что не бойсь!

– И вообще думать вредно, – подхватил мысль товарища Витольд Леонидович, тоже поглощавший деликатесы.

– Выпей коньяка. Согреешься, – весело предложил ей Иван Демидович.

И Яна не отказалась, она пожалела только, что это не какой-нибудь феерический коктейль с огнем, который бы согрел ее окончательно.

Большой частный самолет Мартина внутри был роскошно оборудован: самые дорогие материалы (натуральная кожа, специальный пластик и ценные породы дерева), функциональная и удобная мебель, в том числе – огромная кровать. Здесь стояло даже джакузи!

– Не знаю, Яна, почему ты всегда говорила мне, что очень боишься летать, я бы просто отсюда не вылезал. Такой комфорт, такой сервис, такие еда да выпивка! – проговорил Иван Демидович. Настроение у него явно улучшалось.

– Я не всегда летала с таким комфортом, – ответила Цвет-

кова. – А вообще мне не комфортно висеть в какой-то железной бандуре высоко над землей. Я предпочитаю чувствовать землю под ногами.

– А воду? – спросил Витольд. – На кораблях не боишься плавать?

– На кораблях – нет, но поскольку сама я плавать не умею, то еще раз повторяю: спокойнее на земле, – ответила Яна.

– Яна Карловна, – снова заглянула к ним Алиса, – Мартин Романович знает, что вы всегда напряжены в полете, поэтому предлагаю вам расслабляющий массаж. Не думайте, я делаю его профессионально, у меня закончены с отличием медицинские курсы по оказанию первой помощи. Я также закончила курсы массажистов. Давайте я доставлю вам удовольствие. – Алиса взяла Яну за руку и увела за ширму к профессиональному массажному столу. – А вы, мужчины, можете отдохнуть в джакузи, – посоветовала она, заметив, что Витольд и Иван налегли на пищу, и опасаясь, как бы к концу полета им не стало плохо.

– А для нас нет девушек? – спросил Витольд. – Я имею в виду, для массажа?

– Ты только ей не говори, что и Мартина расслабляешь массажем, – хохотнул девушкам вслед Иван Демидович.

Глава третья

Мартин вернулся в квартиру с пылающими щеками и, хотя старался вести себя тихо, чтобы не разбудить мать, сразу же столкнулся с ней лоб в лоб в просторном холле. Стефания Сергеевна запахнулась в бархатный халат светло-розового цвета, а на ее аккуратной голове красовалась сеточка, которую она по старинке надевала, чтобы сохранить укладку.

– Что такое? Ты куда ходил? Курил, что ли? Долго от меня будешь прятаться?

– Мама! Мне за сорок! Я что, школьник, которого тыловишь на лестничной клетке? Да, я курю. Я знаю, что и ты благополучно куришь и скрываешь это от меня.

– Я твоя мать! Имею право не отчитываться перед тобой. А вот ты... молодой еще, здоровье подорвал в плену. Переживаю я за тебя. Я заметила, что ты, когда с Яной Цветковой расстaeшься, начинаешь курить.

– Сильно ты... внимательная, – усмехнулся Мартин.

– Я твоя мать в первую очередь! И чувствую тебя как никто другой! Так, может, тебе с Яной не расставаться? Раз уж тебе так без нее плохо? – справедливо спросила Стефания Сергеевна. – Только не говори, что вам мешают обстоятельства. Сейчас нет никаких обстоятельств, а вы не вместе. И кто в этом виноват?

– Кто? – обреченно переспросил Мартин.

– Конечно, мужчина. То есть, ты.

– Гениально. Это ваша женская логика?!

– Да, это она! Знаменитая и единственная, которая может привести к счастью, – кивнула Стефания и серьезно посмотрела на сына. – Ты не можешь простить ей, что она родила дочь не от тебя?

– Глупости. Не в этом дело.

– Дело, действительно, должно быть не в этом, – согласилась она. – Иначе это не мой сильный мальчик. А это не ее голос, извергающий проклятия, я сейчас слышала под окнами? – спросила Стефания. – Да и щеки у тебя... Яна побилась?! Уверена, что ты заслужил.

– Конечно! Вы всегда солидарны! Заявиться почти ночью в компании таких же странных людей и отмутузить меня, пребывая подшофе, по-вашему, это нормально, – кивнул Мартин, расстегивая рубашку, которую натянул на себя только для того, чтобы выйти на улицу.

– Это означает только одно: что ты Яну до этого довел, – поджала губы Стефания. – Я, честно, думаю, что и моя вина есть в твоей неудачной личной жизни.

– Господи, мама! Ты-то тут при чем?! – искренне удивился Мартин.

– Я тоже повлияла на твою жизнь, ты – мой сын и самый любимый человек на свете, – Стефания сделала несколько шагов и опустилась на большой угловой диван, занимающий

центральное место в гостиной. — Я не должна была тебя все время подталкивать к браку, настаивать на том, чтобы ты женился на Насте, потому что она показалась мне порядочной и покладистой. Я не принимала многих других твоих женщин! А ведь это все было не мое дело! Я и Яну не приняла. Странная, забирающая вокруг себя все пространство, не похожая ни на кого, оттого и пугающая, — перевела дух Стефания Сергеевна. — Еще о чем я думаю... Ты правильно сказал: тебе слегка за сорок, а мы живем вместе. Это же ненормально! Подумают, что ты маменькин сынок. Что с тобой что-то не так, что я мешаю.

Мартин заулыбался и, подойдя к матери, присел рядом.

— Мама, дорогая моя, у нас много недвижимости, и мы могли бы разъехаться. Но зачем? Ты — одна, и я — один. У нас двухуровневая квартира, плюс мансарда. Я тебе мешаю? Вряд ли. Ты мне мешаешь? Нет. Пока не задаешь такие глупые вопросы.

— Так я мешаю не тебе, а твоим женщинам!

— Мама, никому ты не мешаешь. Нет женщин. И, кстати, единственная женщина, которая не спрашивала, почему я живу с матерью, и не настаивала, чтобы мы разъехались, была Яна. Ее это, казалось, совсем не волновало. Ей было все равно.

— Знаешь, я ее прочувствовала. Она входит в число тех уникальных людей, которые только притягивают и приумножают, и никогда никого не отталкивают. А ты у меня вырос

самовлюбленным дураком. Не хочешь принимать ее с этим бешеным наследством от другого мужчины? Это как получить от него пощечину? Какая же это глупость! Но если у тебя нет сил это принять, то и не надо! Оставь ее. Яна найдёт, чем себя занять, а ты – идиот! Мой любимый идиот, – обняла его мать.

– Ты у меня очень мудрая женщина! – поцеловал ее в лоб Мартин. – Куда я без тебя? Без твоих советов.

– Хитрец. Поздно уже. Мне и так не спится, а тут крики, свисты. Но все, кажется, утомонилось, может, и мы пойдем отдыхать? – предложила Стефания Сергеевна. Незаметным движением она вытащила его рабочий телефон и унесла к себе в спальню, чтобы постоянные звонки, в том числе от страждущих женщин, не мешали ее любимому и единственному сыну спать.

Мартин поднялся наверх. Второй этаж и мансарда были полностью в его распоряжении. Стефания Сергеевна решила все-таки разделить пространство их обитания, объяснив сыну, что у нее больные ноги и ей тяжело подниматься по лестнице. Их старинный дом как памятник архитектуры проходил капитальный ремонт и реставрацию, был сделан дополнительный вход не с фасада, а со двора, который сразу вел на второй этаж. А Мартин установил еще и внутри квартиры мини-лифт, вмещавший максимум двух человек, чтобы мама не поднималась по лестнице из-за «больных ног». Но, как показало время, Стефания Сергеевна не пользова-

лась лифтом, а вот Мартин иногда приводил ночных посетителей, вернее, посетительниц ко второму входу и вел сразу же в мансарду, чтобы сексуальными криками девушек не будить и не пугать мать. А утром таким же путем их спроваживал, чтобы не нагружать пожилую женщину ненужными знакомствами. А Стефания Сергеевна не вмешивалась в его жизнь, только ждала, когда он остепенится.

Мартин рухнул на свою большую круглую кровать, заправленную черными простынями из натурального шелка. Сон никак не шел, так было всегда после встреч с Яной. Он провел горячей широкой ладонью по груди и улыбнулся, вспомнив и снова ощутив на ней удары ее маленьких кулачков. Он держал ладонь на груди, словно стараясь удержать эти ощущения, и чувствовал, как у него учащается пульс.

«Черт! Брошу все к черту и полечу к ней! Просто физически похищу и не отпущу. Точно! Стану маньяком. Видимо, это мое. Круг замкнется. Когда-то мою жену взял в плен маньяк, а сейчас уже я дошел до этой мысли. Не знаю, как еще удержать эту женщину, она словно какой-то волшебный персонаж, лунный свет, все время ускользает. Иногда мне кажется, что удержать Яну можно только физически».

С этими мыслями Мартин потихоньку провалился в сон, но ненадолго. Разбудил его легкий ветерок, сквозняк, внезапно возникший в комнате. Мартин открыл глаза. Дверь в комнату была раскрыта, в проеме маячил какой-то силуэт. Мартин включил прикроватную лампу и уставился на Сте-

фанию Сергеевну, которая по бледности кожи и ужасу в глазах больше напоминала человека, которого только что укусила смертельно опасная змея, и он знает, что умирает, и должен сказать напоследок самое важное.

– Господи, мама! Что случилось?! – вскочил с кровати Мартин и подбежал к Стефании.

Стефания Сергеевна сразу же ухватила за руку сына, словно только этого и ждала, чтобы не упасть. И тут же ее повело в сторону. Мартин подхватил мать на руки и усадил в кресло.

– Мама? Тебе плохо? Врача?! Что делать? Только скажи!

– Мальчик мой... Любимый мой... Господи, за что тебе такая судьба?! Зачем я его взяла? Хотела, чтобы ты выпался. Правильно говорят, что благими намерениями дорога в ад вымощена.

– Мама, ты о чем? Успокойся! Чем я могу помочь? Что ты взяла?

– Телефон, твой телефон. Чтобы тебя не изводили звонками, дали отдохнуть.

– Так ты из-за этого переживаешь? – сверкнул белозубой улыбкой Мартин. – Да черт с ним! Ради тебя я могу его и выбросить.

– Какой ты у меня красивый, добрый и очень сильный мальчик, – погладила Мартина по шелковистым волосам Стефания Сергеевна.

– Мам, я давно не мальчик...

– Для меня ты всегда останешься мальчиком. И тебе понадобится сила. Сейчас. Прямо сейчас. Пообещай мне, что ты не натворишь глупостей, – Стефания Сергеевна подняла на сына полные слез глаза.

– Мама, говори. Я выдержу все.

– Ох, не уверена я в этом, – всхлипнула мать. – Звонил твой заместитель. Я ответила. Хотела сказать ему, чтобы оставил тебя в покое до утра. А он... он... – схватила за сердце Стефания. – Он сказал, что ему только что сообщили: твой самолет разбился. Мартин! Мартин! Боже! Помогите! Что с тобой?! Господи, он не дышит! Мартин!

Глава четвертая

Вегетарианцы – это люди, которые отказываются есть других живых существ. Яна не была вегетарианкой, но понимала тех, кто испытывает отвращение к мясу или даже рыбе. Но вот никто же не подумал об овощах! А они ведь тоже живые, растут себе на грядках, впитывают воду, разные микроэлементы, греются на солнышке или, как корнеплоды, прячутся в уютной земляной норке. А бедную маленькую морковку оттуда за макушку вытаскивают и всю кожу ножичком счищают.

Именно такой морковкой Яна себя и почувствовала, когда холодная соленая морская вода обожгла ее худое тело. Она не успела толком ничего осмыслить и понять, что произошло, когда упала в воду с большой высоты и с большой скоростью.

А произошел какой-то шум, хлопок, резко изменилось положение самолета, подул какой-то жуткий ветер. Стюардесса Алиса сначала упала на Яну, лежащую ничком на массажном столе. Потом она грязно выругалась, поднялась на ноги и, с трудом хватаясь за все, что можно было ухватить, поспешила к каюте пилотов. Но навстречу ей уже вышел второй пилот. У Яны, у которой полностью заложило уши и возникла резкая головная боль, замедлилась реакция на происходящее.

Всю свою жизнь Цветкова боялась именно этого момен-

та, это был ее ночной кошмар, и сейчас мозг просто отказывался верить в происходящее. Да-да! Именно в то, что они терпят авиакатастрофу. Нет, оставалась надежда, что пилот вышел в салон, чтобы успокоить пассажиров. Что он сейчас скажет: «Не волнуйтесь и не паникуйте! Мы попали в зону турбулентности и заодно немножко коснулись зоны шторма. Сейчас все наладится, мы тихо и мирно полетим дальше». Но вместо этого он закричал диким голосом:

– Самолет потерял управление! Мы стремительно теряем высоту! Шансов нет! Командир на ручнике пытается сделать невозможное! Оба двигателя накрылись! Ждать нечего! Мы почти долетели, но до земли не дотянем! Единственный выход – прыгать! Пошли! Алиса, открывай дверь!

– Куда прыгать? – не поняла Яна, отлепившись от стола.

Почему-то ей приходили очень глупые мысли в голову, словно это была защитная реакция. Например, сейчас она подумала, а не отпечаталась ли у нее на лице окружность от отверстия в столе, ведь значительное время она лежала лицом вниз. Кого это сейчас могло волновать и кому это было интересно?!

– Прыгайте вниз! Алиса! Реагируй быстрее! У нас много топлива, ждать нельзя!

– Без парашюта? – охнула Яна.

– Какой парашют? Их отродясь в большую, гражданскую авиацию не дают! С ними шансов погибнуть больше! Мы максимально, насколько можно снизились и летим над мо-

рем. Если повезет не расшибиться о воду, то есть шанс выжить! Скорее! Если рухнем, шансы уменьшатся.

Ну, а дальше была обжигающая боль соприкосновении с водой и огромная тяжесть в груди, которая сразу же навалилась на Цветкову. Последнее, что она запомнила, – ее собственный истошный крик:

– Это – низко?! Вы с ума сошли?! Я разобьюсь! Высота десятиэтажного дома! Нет! Не надо! Не убивайте меня! Я – мать троих детей! Пощадите!

Она сопротивлялась как могла, намертво вцепившись во что-то. И уже совсем из последних сил Яна Карловна Цветкова выдала самое сокровенное:

– Люди, да я же плавать не умею! Какое море?! Что вы делаете?! Да мне все равно, где умирать! Я не хочу быть утопленницей! Оставьте меня в покое! Передайте Мартину, что я его люблю!

И все. Боль, темнота, невозможность дышать.

Психика человека интересно работает в таких экстренных ситуациях. Яна так до сих пор до конца и не поверила, что случилось самое страшное, то, чего она боялась всю жизнь. А вот когда ее тело погрузилось в воду, она реально запаниковала, потому что, как ни старалась, не могла направить свое тело вверх. Она вошла в эти огромные толщи воды с такой силой и такой скоростью, что тело и под водой продолжило свое губительное движение вниз. Она слабо забирала руками, ногами и пыталась подняться наверх, хотя Яну это

вряд ли спасло бы потом, ведь она не умела держаться на поверхности воды, но инстинкт есть инстинкт. И в какой-то момент Яна даже начала некоторое движение вверх, но ее силы были слишком малы, а толща воды слишком большая, и Яне не хватало кислорода. Она не умела задерживать дыхание и поняла, что проиграла эту битву. Соленая вода начала проникать в легкие. А это было обидно, потому что Яна только-только увидела, как сверху пробивается свет. Ей почти удалось подняться. Последней мыслью Яны было: «Я же говорила... нельзя меня было скидывать. Я не планировала утонуть».

Яна сама не успела разобраться, верит ли она в чудо или в загробную жизнь. Темнота, поглотившая ее, не дала ей в полной мере определиться. Да и смерть от утопления оказалась не такой уж долгой и мучительной. Она умерла почти сразу. От взрыва и огня было бы, наверное, быстрее, но болезненнее. Но Яну безумно удивило, что после смерти люди могут перерождаться не только в других живых существ, пусть даже в кошечку или собачку, а вообще в неодушевленные предметы. Она превратилась в твердый, каменный фонтан, который сильно сдавливали со всех сторон, наверное, бетон или опоры. Из ее внутренностей все время извергалась вода. Но, несмотря на то, что она превратилась в камень, Яна почему-то продолжала чувствовать боль, тошноту, рвоту.

– Давай, давай, девочка! Господи, как же она уже наглата-

лась! Дочь моя! Любовь моя! – услышала Яна.

Она узнала голос своего отца и закашлялась.

– Еле выцепил ее, еле нашел, еще бы немного и Яна ушла бы в пучину, – сказал другой голос, тоже знакомый Яне, и она уже даже поняла, что он принадлежит ее другу – патологоанатому Витольду Леонидовичу.

Она открыла глаза и просто ослепла от синевы моря, неба. И ее снова рвало водой. Эта вода обжигала и отравляла ее изнутри. Цветкова уже увидела Ивана и Витольда, но сказать им ничего не могла. Словно в фильме ужаса, Яна открывала рот, а оттуда лилась вода.

– Давай-давай... дыши! – подбадривал ее Иван Демидович. – Все хорошо!

– Мы выжили? – наконец произнесла Яна.

От удара о воду у нее горела вся кожа, першило в горле, щипало в глазах, и продолжало тошнить.

– Пока да... – туманно ответил ей Витольд Леонидович, пытаясь надеть ей на голову какое-то седло или крышку от унитаза.

– Что ты делаешь? Что это такое? – не понимала Цветкова.

– Да это ты с ним вылетела из самолета. Оторвала от массажного стола, наверное, – пояснил Иван. – Надень на себя как спасательный круг, вроде не тонет.

– Скорее, как спасательный ошейник, – поправила его Яна, осматриваясь по сторонам, что было делать крайне неудобно.

А везде можно было увидеть линию горизонта, где море сливалось с небом, и ничего больше не просматривалось, ничего — до рези в глазах.

— А где самолет? — спросила она.

— Улетел, — хихикнул Витольд Леонидович. — Нас вот скинул и унесся. А пока мы всплывали, его уже и след простыл.

— Берегов не видно, что же нам делать? Почему нам сразу не дали погибнуть? Так же умирать дольше и мучительней, — сказала Яна и добавила: — Я не умею плавать.

Мужчины держали ее с двух сторон.

— Мы это уже поняли, — ответил ей Иван Демидович. — Я хоть и умею, но долго тоже не продержусь. Я не спортсмен.

— Но ничего, этот ошейник тебе, Яна, не даст утонуть, ты продержишься, — подбодрил Витольд, ломая круг и надевая ей на шею.

— Что значить: я продержусь? Вы мне тут Леонардо Ди Каприо не включайте! Мы все должны продержаться! Я тут одна дрейфовать в этом сиденье от унитаза не собираюсь! Держитесь все за этот обломок! — приказала Яна и закричала: — Смотрите! Смотрите! Вон там! Какой-то столб дыма! Это что? Вулкан? Торнадо?

Мужчины посмотрели в указанном направлении.

— Это дым. Наверное, там разбился наш самолет. Если горит, значит, дотянули до земли или острова. Плыдем туда! Это наш ориентир!

Мужчины стали грести слаженными движениями, воло-

ча за собой Яну. Она попыталась было им помочь, хаотично болтыхая руками и ногами, пока они оба не взмолились, чтобы она не отнимала у них последние силы и дала грести спокойно.

– Хватит биться в конвульсиях! Просто расслабься, – попросил Иван.

Волна за волной, гребок за гребком... Яна не понимала, приближаются они к цели или нет. Вообще складывалось впечатление, что они стоят на месте.

– Выжили летчики и Алиса? – спросила Яна.

– Узнаем. Летчики до последнего тянули самолет, чтобы мы выпрыгнули, может, и сами спаслись? Уж стюардессу свою должны были... – ответил Иван Демидович.

– Если бы вы меня не вытащили из моря, я бы не всплыла! – ответила Яна. – Поэтому, если она выпрыгнула одна...

– Не будем преждевременно о грустном, – вздохнул Витольд. – Я вообще не понял, что произошло. Все случилось так быстро.

– Я тоже не успела толком испугаться, – согласилась с ним Яна. – Надеюсь, что топлива в самолете было много и он будет долго гореть. – Поймав несколько недоуменный взгляд Ивана Яна сбивчиво пояснила: – Это же для нас как ориентир! Если дым исчезнет, нам некуда будет плыть!

– Ладно-ладно, уйми свои садистские наклонности. Мы все поняли. Похоже, самолет упал далеко. Плыдем, плывем, а толку нет, – ответил Витольд Леонидович.

– Сдаваться нельзя. Это так кажется. Мы немного продвинулись, – ответил Иван. – Плыдем дальше.

– Мы же не пропадем в море? – заглянула ему в лицо Яна.

– Нет, конечно! Я уверен, что летчики успели подать сигнал бедствия и сообщить координаты. Или с земли диспетчеры должны были засечь, в каком квадрате пропал самолет. Нас обязательно будут искать. Если мы не успеем доплыть до земли, нас и в море подберут, – успокоил дочь Иван Демидович.

Яна на какое-то время затихла, а потом поняла, что начинает уже замерзать в этой воде. Мокрые длинные волосы тянули ее вниз. И ей приходилось постоянно выплевывать соленую воду, которая попадала в рот.

– Ну, Цветкова дает! – вдруг выдал Витольд Леонидович.

– Чего я даю? – не поняла Яна.

– Да ты все... Я боюсь летать самолетами... А поедемте, ребята, на море, подлечить нервы? А поедемте! То есть, я не знаю, как правильно говорить? Поедем! А мы полетим на частном великолепном самолете! А полетели! И что? Вот это мы подлечили нервы!

– Не бухти, Витольд! Зато сразу вылечишься от всех болезней! – ответил ему Иван. – Принимай соленые ванны!

– Мне кажется, что мы уже распухли от соли и воды, – сказал Витольд, – накупались уже в первый день!

– Это смешно! – усмехнулся Иван, все время с тревогой глядя на Яну.

– Мы счастливчики. Мы выжили после авиакатастрофы! – Иван подмигнул Яне.

– Еще не выжили, – возразил ему Витольд. – Эх, Яна, может, это твой бывший тебе отомстил? Зря ты на него набрасывалась. Решил проблему разом.

– Ты чего такое говоришь? Если бы мы были не в воде, я бы тебя на дуэль вызвал! – возмутился Иван Демидович и плеснул Витольду водой в лицо.

– Тьфу! Да я пошутил. Но самолет-то его!

– Его... Представляю, что с ним будет, когда он узнает, – пробормотал Иван.

– Это когда он узнает, что лишился многих миллионов, то есть своего самолета? – отозвался Витольд, и снова получил порцию воды в лицо.

– Опять шутишь? Я имею в виду, что погибли люди, а особенно Яна, – пояснил Иван Демидович.

– Бедная моя мама, мои дети... – ужаснулась Яна.

Мужчины замолчали. Каждый прикидывал, кто может расстроиться, узнав о его смерти.

Лицо Ивана Демидовича помрачнело.

– Порхал всю жизнь, столько женщин было, а ведь никто и не пожалеет, если умру. Мало того, кто-нибудь даже обрадуется. Скажет, что так ему, старому козлу, и надо! Только сейчас подумал об этом.

– Моя мама помянет, – успокоила его Яна.

– Она будет о тебе горевать, ей не до меня будет.

– Отгорюет обо мне и вспомнит про тебя. Ты – отец ее единственного ребенка. Да и любила она тебя всегда, – ответила Яна.

– Откуда ты знаешь? Она тебе сама сказала? Почему ты так говоришь? – возбудился Иван.

– Женская интуиция. Но жить с тобой она, конечно, не будет, так что губу закатай обратно. У мамы сильно развит инстинкт самосохранения, – ответил Цветкова, всматриваясь вдаль. – А акул здесь нет?

– Меня просто поражает твой оптимизм, – ответил Витольд. – Сплошной позитив!

– Просто впереди что-то торчит, похожее на плавник, – пояснила Яна.

– Только этого еще не хватало!

– Если я буду сильно кричать, это отпугнет акул? – спросила Яна.

– Вряд ли, а вот мы оглохнем, – отозвался Иван Демидович.

Они проплыли еще какое-то время, но ни акул, ни других предметов, похожих на плавник, не встретили.

– У тебя уже галлюцинации начались, как мираж в пустыне, – хмыкнул Витольд Леонидович. – А вот самолет еще дымит. Совсем не затихает.

– И хорошо, мы плывем к нему, мы его видим. И, мне кажется, мы стали чуть ближе, – сказал Иван, дыша уже тяжело. – Плохо, что Алису по дороге не нашли.

Дальнейшие события каждый из участников никогда в своей жизни не хотел бы вспоминать. Они плыли и плыли. Кожа, казалось, насквозь пропиталась солью. Силы покидали то одного, то второго, они поочередно подбадривали друг друга и не давали самим себе упасть духом. Им везло, течение понемногу относило их в нужном направлении. И наконец темная земля показалась перед их воспаленными глазами. Странно, но почти не наблюдалось растительности, а дым продолжал идти откуда-то из-за горы.

– Странно, на море нет масляной пленки, она должна была появиться от топлива самолета, – отметил нудный Витольд.

– Может, самолет там... в глубине острова, какие проблемы? – возразил Иван Демидович. – Посмотри, какая огромная земля. Издалека остров казался таким маленьким.

Когда ноги Яны коснулись дна, она даже не поняла, что это твердое дно, на котором можно спокойно стоять. Ее пальцы увязали в чем-то вязком, липком, словно это была грязь или трясина.

– Что это? Какая-то гадость, как будто мы в болоте. Странный песок... да это и не песок. Он темный и очень неприятный, – ответила Яна, понимая, что мужчины даже говорить не могут от усталости.

Все трое начали увязать в этом иле, теряя уже даже не остаток сил, а рассудок. Они выбрались на берег и упали на землю, подняв облако едкой, темной пыли.

– Тьфу! Что это за грязь такая? – посмотрела на свои черные ладони Яна. – Надеюсь, что спасательная операция не только началась, а уже идет полным ходом. Темно тут как-то. Да и жарковато.

Витольд поднялся на ноги и медленно пошел в гору.

– Эй, путник, ты далеко собрался? – прокричал Иван Демидович. – Какой неугомонный.

– Я хочу посмотреть. Скоро вернусь, – ответил патологоанатом, неумолимо удаляясь от них.

Яна с Иваном Демидовичем в изнеможении лежали на земле, в этой непонятной грязи. Они смотрели в потемневшее небо.

– Люди живут и даже не задумываются, что счастье уже в том, что можно нормально ходить по земле. А не падать в воздухе и не тонуть в воде, – произнес Иван, за последние несколько часов испытавший и то, и другое.

– Да уж... это точно не наша стихия, – подтвердила Яна. – Видела бы нас мама.

– Да не дай бог! Ты что?! Она бы уже прокляла меня, не дав ничего объяснить, впрочем, как всегда. В итоге, мы все бы оказались в полном дерьме, а она на троне в короне.

Яна засмеялась:

– Похоже на маму. Но именно такому человеку я могу доверить свою маленькую дочь. А это дорогого стоит. Ты же тоже когда-то полностью возложил на ее хрупкие плечи воспитание своей дочери?

– Укол в самое сердце. Ей доверить можно все, – вздохнул Иван и обеспокоенно оглянулся вокруг. – Что-то здесь не очень хорошо дышится.

– Чего ты хочешь? Море, влажность. Нам бы найти пресной воды, у меня уже губы скоро потрескаются от соли и жажды, – пожаловалась Яна. – Хорошо, не наколотые химией.

– Сейчас отдохнем чуть-чуть и пойдем вглубь острова на поиски воды. Только дождемся Витольда, чтобы не разминуться. Мы все в одинаковых условиях, все измотаны, напуганы и испытываем жажду, – ответил Иван.

– А мы никуда не пойдем, – раздался голос Витольда рядом.

Яна с Иваном синхронно повернули головы и вопросительно уставились на него.

– Чего?

– Я имею в виду, по острову. Тут нечего исследовать и нечего искать. Это не остров, это действующий вулкан. Мы ошиблись, дымится не разбившийся самолет, а кратер вулкана. Я не шучу. И эта грязь и черная пыль вокруг – это вулканический пепел. Он здесь покрывает все вокруг на многие метры и в ширину, и в глубину. Здесь нет ничего живого, и нет жизни. Мы с вами, господа, оказались на пороховой бочке. И нас в любую секунду может накрыть огненной лавой, – ответил Витольд и сел рядом с ними на пепел.

– И вот теперь я присоединяюсь к Яне и очень жду оконча-

ния спасательной операции, – сказал Иван Демидович, отряхивая пепел со светлых волос Яны, которая, услышав слова Витольда, тоже села в позу сфинкса.

– Если вулкан действующий, кто же нас здесь будет искать? – задала она вопрос в никуда. – Твою же... Мартин, найди меня!

Глава пятая

Мартин использовал свои связи и вылетел в Приморск на военном самолете. Стефания Сергеевна хотела полететь на операцию спасения вместе с ним. Но Мартин оказался непреклонен. Она никогда не видела сына таким каменным и сосредоточенным. Мать даже опасалась, что сын может натворить глупостей, и с собой в том числе. Но Мартин решил оградить мать от лишних переживаний. Он старался держать себя в руках, и ему это с трудом удавалось.

В Приморск Мартин привез следователя Анатолия Анатольевича Ситникова из главного следственного управления. По приезду их уже встречали военные и службы спасения, которые сразу же доложили все новости с места крушения самолета.

– Люди? Люди обнаружены? – первым делом спросил Мартин.

– Первый пилот, в абсолютно поврежденном состоянии. Его доставили в больницу, он в коме. Больше ни людей, ни тел. Но радиус поиска поставили в два километра. Мы работаем.

– Плохо работаете! И чтобы я не слышал этого слова – «тел»... Они живы! Яна жива. И радиус надо расширять!

– Не горячись, разберемся, – коснулся его плеча Анатолий Анатольевич. – Будем также искать черный ящик.

– Какой к черту ящик?! Людей ищите!

– Извини, Мартин, но это твой частный самолет, он летел и вдруг упал. В этом тоже разобраться надо, причину выяснить.

– Разбирайтесь! Он был полностью исправлен! Каждый месяц, каждую неделю его проверяли, ремонтировали, проводили профилактику, все как положено. Он не налетал еще и половины от положенного срока! Эта лучшая фирма. Не было никаких серьезных поломок. Никогда!

– Ты успокойся! Я тебя ни в чем не обвиняю. Я знаю, что у тебя даже есть право управлять своим же самолетом. Это стандартная процедура, он же разбился.

– С этим не поспоришь, – лицо у Мартина почернело от горя. – Там летел самый дорогой для меня человек, моя любимая женщина. Лучше я бы сам сел за управление самолетом, если это была техническая неисправность, то мы бы погибли вместе. Почему я не полетел? Я себе этого не прощу никогда в жизни!

– Мартин, никто не должен был погибнуть, успокойся! Нет еще сведений о погибших, – отвел глаза следователь.

– Сколько часов назад произошла катастрофа? – спросил Мартин.

– Три с небольшим.

– И ты мне будешь говорить, чтобы я верил в лучшее? Через сколько минут обычно выясняется, что есть выжившие?

– Не паникуй преждевременно! И не забывай, что здесь

море, горы. Сложный рельеф.

Далее Мартину показали на карте место крушения самолета. Это был достаточно большой квадрат, включающий море, два острова и ближайшую береговую линию, которая была уже далеко и, скорее всего, люди, если остались в живых, попали на острова или находились в море.

– Яна не умеет плавать. Яна не умеет плавать... – Эту фразу Мартин в последующее время повторял много раз.

В основном, в пустоту. Окружающие не отвечали ему, они просто не знали, что тут сказать.

Мартин прилетел не просто так. У него был огромный опыт службы в спецвойсках, также он когда-то работал профессиональным телохранителем, а сейчас находился в отличной физической форме, поэтому естественно, что он изъявил желание лично принять участие в поисковой операции. Решение его было непреклонным, да и всем было понятно, что его даже чисто физически не остановить. Поэтому легче было разрешить Мартину участвовать во всем, в чем он хотел.

Мартин летал со спасателями над морем на вертолете, вглядываясь в толщу воды и готовый при необходимости прямо так кинуться в пучину. Плавать он умел – и очень хорошо, за плечами у него был разряд мастера спорта по многоборью. Много раз Мартин корил себя за то, что не находился с Яной в самолете в тот трагический момент, потому что, окажись они вместе в море, она бы не утонула. Он лег-

ко отдал бы за Яну жизнь. И это он уже доказал, когда-то спокойно заслонив ее собой от пули. Тогда Мартин получил серьезное огнестрельное ранение, но шел он не на ранение, а на смерть.

Также Мартин принял участие в поисках людей на островах, ради Яны он был готов идти куда угодно и делать это вечно. Конечно, уже появились какие-то новости. Обломки самолета нашли в море и частично на одном из островов. Нашли ведущего пилота Евгения Владленовича. Его тело лежало на берегу. Он был настолько плох, что сначала подумали, что пилот мертв, и только потом уловили жизнь, нащупав нитевидный пульс, и пострадавшего вертолетом доставили в ближайшую реанимацию. Понятно, что ни говорить, ни давать показания он не мог. Евгений был без сознания. По его состоянию даже медики не давали никаких прогнозов. Второго пилота, стюардессу и трех пассажиров обнаружить пока не удалось.

Поисковые операции не прекращались. Менялись бригады спасателей, военные, не менялся только Мартин. Он не ел, не пил, не спал, даже не присаживался отдохнуть. Когда одна группа спасателей шла в комнату отдыха и за новыми данными, их сменяла вторая группа. А Мартин успевал поработать с двумя группами и еще самостоятельно. Люди уже знали, что он ищет свою любимую, свой экипаж, что для него это личная трагедия.

Вскоре все заметили, что ему стало совсем плохо.

Мартин курил по три пачки сигарет в сутки, его рвало от усталости, и он сам обратился к медикам с просьбой вколоть ему адреналин, чтобы силы не покинули его. Было件нятно, что теперь надо спасать уже его самого. Все также понимали, что по-хорошему Мартина не уговорить. Глаза у него были красные, руки дрожали, но он не останавливался. Медсестра из службы спасения, переговорив с врачом, принесла Мартину очередную порцию кофе, щедро сдобренную лошадиной дозой снотворного.

Он все рвался снова прочесывать остров, но она усадила его рядом с собой, ухватив за руку, якобы посмотреть карту, отметить пройденные районы. Мартин обмяк, что-то пытался сказать, речь перешла в бред. Зрачки темных красивых глаз расширились, веки с густыми, загнутыми вверх ресницами закрылись. Медсестра невольно засмотрелась на Мартина, на его высокие скулы, красивую линию подбородка, крепкую шею с пульсирующей жилкой, которой касались слегка выющиеся волосы потрясающего темно-коричневого цвета со слегка каштановым оттенком. Из раздумий ее вывела подошедшая врач:

– Ну что? Наш план сработал? Герой отключился?

– Эх, если бы меня так кто-то любил! – вздохнула медсестра. – Он же с ума сходит по той женщине, которая летела в самолете!

– Думаю, что вопрос не в том, кто кого любит, перед нами просто потрясающий мужчина. От него и правда глаз не от-

вести, – ответила врач медицины катастроф, беря Мартина за запястье. – Пульс зашкаливает. Эй, ребята! Давай его на носилки и в медицинский шатер на койку.

– Это же не пострадавший в авиакатастрофе! – ответил один из спасателей.

– Это мне решать! По моему мнению, он сейчас самый пострадавший. Несите. А ты, Поля, готовь капельницы. В обе руки поставим от обезвоживания – транквилизаторы, сердечные. Тут все надо капать. А то, не дай бог, еще помрет от острой сердечной недостаточности.

Яна сидела на берегу рядом с Иваном Демидовичем, прижавшись к нему всем телом. Ее кожа горела огнем – то ли от соленой воды, которая, казалось, пропитала тело насквозь, то ли причиной была эта странная черная пыль, которая тоже въелась в кожу, белые волосы стали уже серыми. Глаза слезились от солнца, а, может, и сосуды полопались от перепада давления и удара о воду.

– Вот так вот, дочь, – вздохнул Иван и заплакал.

– Ты чего? – спросила Яна.

– Очень боялся за тебя, когда мы плыли. Виду только не подавал. За тебя боялся. Сам-то уже старый, думал, вдруг не доплыву? Тебе еще жить и жить. Не знаю, думал, доживу ли я до того момента, – чтобы ты меня отцом назвала? Только открылся и все, конец...

– Успокойся, мы выжили, – потерлась о его плечо Яна,

которая не знала, что ему ответить.

Она всю жизнь считала отцом другого мужчину, и это известие и для нее стало сюрпризом.

– А я хочу вам сказать, ребята, что нам – каюк, – присоединился к ним патологоанатом Витольд Леонидович. – Ни хрена мы не на острове, и нет тут никакого разбившегося самолета, – он присел с другой стороны от Яны. – Все подтвердилось. Я все проверил. Жизни здесь не наблюдается, ну, кроме нас, конечно. Сколько мы протянем?

Иван Демидович закрыл своими широкими ладонями уши Яны и грязно выругался.

– Да, именно там мы и находимся, – подтвердил Витольд.

– И что теперь делать? – спросила Яна. – То-то тут так жарко. А лава не потечет на нас? – оглянулась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.